

ПАВЛА РИПИНСКАЯ

ИРАНЦЫ

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

12+

Павла Рипинская

Иранцы: личный опыт

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рипинская П.

Иранцы: личный опыт / П. Рипинская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Автор делится своей историей любви в Иране и знаниями, полученными за годы жизни там. Кроме личных наблюдений, порой забавных, порой печальных, вас ждет немало сведений об иранцах, их характере, традициях, образе жизни и отношении к миру в целом и иностранцам в частности. Книга разбивает привычные стереотипы о "стране победившего ислама, где женщины все в чадрах, а мужчины ездят на верблюдах", и демонстрирует, как мало мы, в сущности, знаем о соседнем с Россией государстве. Подробно рассматривается география, история, религиозная, политическая и социальная жизнь Ирана, описаны и интересные туристические маршруты.

Содержание

Предисловие	6
Вступление Долой стереотипы!	7
Глава 1 Салам! Приветствие и знакомство	9
Глава 2 Харам, или «запретное»	13
Глава 3 В гостях в иранском доме	33
Глава 4 Та'аруф – иранский этикет	39
Глава 5 Ислам в Иране	44
Глава 6 Под правлением аятоллы	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Павла Рипинская

Иранцы: личный опыт

От всего сердца благодарю моего замечательного мужа Бехруза, без которого эта книга никогда не была бы написана.

Предисловие

Данная книга является электронной версией моей первой книги про Иран – «Эти поразительные иранцы», опубликованной издательством АСТ («Астрель») в 2007 году. Работа над книгой была начата еще в 2004 году.

В те годы мне самой было немногим больше двадцати, и, как показала практика, читатели и читательницы этой книги также были молоды, полны надежд и веры в свое будущее. Поэтому я решила не подвергать свои личные воспоминания жесткой цензуре, хотя теперь многое и видится по-другому. Раз в свое время они стали вдохновением для других и кому-то помогли найти верный путь, значит, книга была написана на правильном языке. И не стоит менять его только потому, что сама я стала взрослее.

Но многие реалии Ирана и связанные с ним факты за это время кардинально изменились. Поэтому в части информационного материала книга была полностью переработана и значительно дополнена, чтобы отвечать требованиям сегодняшнего дня.

Вступление Долой стереотипы!

Что мы знаем об Иране? Что там едят халву и носят чадру? Увы, наши познания черпаются в основном из телепередач и обиходных представлений о «жизни мусульманского Востока», «шейхах и гаремах» и «лагерях по подготовке террористов». Для многих россиян Иран от Ирака отличается лишь одной буквой в названии.

Неудивительно, что, попав в современную Персию, россиянин испытывает культурный шок. Вместо обещанных выкриков «Долой Америку!» и «Долой Израиль!» его ждет неплохое знание многими иранцами английского и весьма критическое отношение к политике собственного правительства. Вместо черной чадры красавицы-иранки облачаются в стильные халатики-манто. И главное – никто не собирается резать «неверных» иностранцев. Это вовсе не значит, что в Иране нет ловушек и опасностей. Но вы рискуете оказаться к ним совершенно не готовы – по причине все той же нехватки информации. И нет смысла винить в этом СМИ: широкую публику жизнь простых иранцев волнует куда меньше, чем обогащение урана и «ужасы исламизма», и пресса идет у нее на поводу...

Итак, в Иране вы обязательно столкнетесь с неписаными законами. Причем у туриста нестыковки восточной логики вызовут лишь легкое раздражение. Если же вам предстоит провести в Персии больше одной-двух недель, вы, сами того не ведая, рискуете не раз оказаться в малоприятной ситуации. Помните: Иран – чужой монастырь, и душевный прием вам гарантирован лишь при условии, что вы не станете навязывать свой устав. Впрочем, человеку вежливому и деликатному соблюдать это правило будет несложно. Эта книга – для тех, кто хочет узнать правду о стране, мнение о которой в мире сложилось, мягко говоря, неоднозначное.

Вы познакомитесь с менталитетом, общественными отношениями и повседневной жизнью иранцев. Есть тут и главы, посвященные основам персидской экономики и политическому устройству, но автора куда больше интересовала психология нации и ее культурное наследие. Перед вами не специализированное востоковедческое издание, а скорее, мемуары с элементами путеводителя, который подойдет любому, чей путь лежит в Иран. Вы узнаете о правилах этикета и о том, как на самом деле иранцы относятся к исламу. Один из разделов посвящен иранским традициям и государственным праздникам. Подробно рассказывается о том, как туристу получить визу в Иран, как попасть в страну и каким транспортом лучше пользоваться.

Автор делится собственными впечатлениями о путешествиях по Ирану и жизни в иранской семье. Хочется верить: прочитав книгу, многие расстанутся хотя бы с некоторыми предубеждениями и стереотипами, сложившимися об Исламской Республике Иран.

2004 год. Мы в гостях у нашего друга Мустафы. В этот дом его семья переехала буквально на днях, диван пока не привезли, и мы с комфортом располагаемся на ковре и подушках. Улыбчивая хозяйка Мошган-ханум разносит ароматный чай и сладости. Народ уже успел обсудить все новости за обедом, накрытым прямо на полу, на традиционном софре: мужчины говорили о работе, женщины – о детях. Молодежь устраивается у телевизора – посмотреть новости Би-би-си. Хотя официально спутниковое телевидение запрещено, «тарелка» прячется на балконе практически любой квартиры. Бехруз и его брат отлично владеют английским и, когда весь экран заполняет наспуленная физиономия Джорджа Буша-младшего, начинают оживленно переводить его речь Мустафе. Тот только отмахивается: мол, эту чушь про ось зла и ядерную программу Ирана мы слышали не раз. Иранцы так привыкли к постоянным угрозам со стороны США, что счет недавнего футбольного матча их волнует куда больше, чем очередное обещание сбросить бомбу на Тегеран. Я – единственный зритель, который слушает выступление Буша со страхом. Ирак, Афганистан – история недвусмысленно

намекает на то, кто будет следующим. Мой любимый Тегеран. Моя новая семья. Мой муж. А может быть, все обойдется?

Рядом со мной пристроился еще один зритель – Мехса, дочка Мустафы и Мошган. Ей всего десять лет, но она уже учится профессиональным приемам рисования у мамы, и картинки получаются – загляденье. Сейчас она раскрашивает ярко-зеленую листву на фоне голубого акварельного неба. Высунув язык от старания, рисует желтый овал солнца над серо-коричневыми крышами. «Пусть всегда будет солнце», – проносится у меня в голове строчка знакомой с детства песни. И я перевожу взгляд на лицо упитанного американского президента, распинающегося по поводу того, какую угрозу представляет для мира Иран в целом и его жители в частности. Мехса все рисует и рисует, не обращая внимания на телевизор и не зная, что, быть может, решается ее судьба. Она, конечно, видела репортажи из предвоенного Ирака про девочек ее возраста, которых обучали прятаться в бомбоубежище. Может быть, папа сказал ей, что это просто такая игра. И уж конечно, промолчал о том, что скоро и ей, возможно, придется учиться тому же...

К счастью, Джордж Буш – младший Иран не атаковал. В самом Иране сформировалось «условно либеральное» крыло политиков, выступавших за переговоры США с целью отмены санкций в обмен на замораживание Ираном ядерной программы. В 2015 году прошли, казалось бы, удачные переговоры по иранской ядерной сделке в Лозанне (тогда президентом США был Барак Обама). Центрифуги остановили, санкции сняли. Западные компании устремились в Иран, на новые, едва открывшиеся рынки. Казалось бы, в развитии отношений Ирана с миром настала новая эпоха.

Увы, после прихода к власти в США Дональда Трампа сделка была фактически сведена на нет. Европа противилась, но мнение ее политиков не волновало Америку. И теперь уже упитанный Трамп вещает с экранов о том, какую угрозу представляет для мира Иран. Все вернулось на круги своя, как случилось уже не раз.

Мехса тем временем закончила университет и в этом году готовится к свадьбе. Скоро уже ее дочь будет рисовать акварелью зелень на фоне голубого неба. Президенты приходят и уходят. Для простых людей в лучшую сторону ничего не меняется.

Часть

I

Иран и иранцы

Глава 1 Саям! Приветствие и знакомство

Воспитанность – это работа души. Низами

С самолета я выходила на негнущихся ногах. Замечательная московская осень наградила простудой – с температурой под тридцать девять. После трех с половиной часов полета хотелось лечь на что-нибудь горизонтальное и тихо умереть. При этом мое пальто было рассчитано на московские пять градусов, а никак не на тегеранские плюс двадцать. Но то было единственное мое одеяние, хоть отдаленно соответствовавшее исламским канонам. От мысли, что ни платок с головы стянуть, ни расстегнуться нельзя никак, становилось еще хуже. Окончательно доконала проверка паспорта. Ни с первой, ни даже с третьей попытки нужную визу в нем найти не смогли. Видно, кто-то в посольстве перестарался с клеем – расцепить страницы не было никакой возможности. Хорошо, хватило ума запомнить страничку, которую я срывающимся голосом и назвала паспортисту.

А потом... Потом меня (плюс огромный пакет с гжелью, который я уже почти грохнула на каменный пол) подхватил Бехзад, старший брат Бехруза – моего любимого, ради которого и совершалось это путешествие. Он тут же принялся отлавливать мои здоровенные чемоданы на багажной ленте. Мне она была примерно по пояс: без Бехзада единственной альтернативой было бы взобраться наверх, сесть на свой чемодан и крутиться, пока работники аэропорта не снимут. От неожиданности я даже не поздоровалась и сумела лишь недоуменно спросить что-то вроде:

– Ой... А где Бехруз?

– Бехруз? Ну, он дома. Спит. Знаешь, он очень устал...

Тут меня пришлось подхватывать второй раз. Глядя на мою побледневшую физиономию, Бехзад вздохнул:

– Паша. Я же пошутил...

Тут до меня, наконец, дошло, что и Бехзада рядом быть не должно – таможенно я еще не проходила. Зато с ним мы ее «прошли» очень быстро: при наличии связей в аэропорту достаточно махнуть кому-то рукой – и дело сделано. Уже позднее выяснилось: чтобы пробиться к паспортному контролю, братец устроил целый скандал, размахивая гидовским удостоверением.

В зале ожидания собралась вся семья. Помню только, как сначала вцепилась в Бехруза, потом обнималась с его мамой Фатимой, сестрой Бехназ и даже со строгим папой Хоссейном. Мы быстро загрузились в два такси, и меня повезли мимо сияющей огнями площади Азади в неведомое далёко. «Далёко» – то есть квартиру семейства – я уже знала по любительскому видео. И потому Бехназ постоянно смеялась: «Паша, давай я тебя уципну! Ты не спишь, ты тут на самом деле!»

Все дружно принялись втаскивать чемоданы в мою комнату, смеяться и говорить, говорить... Я сама не заметила, как стала повторять фразы на фарси, что вызвало у всех бурный восторг, плавно перешедший в неконтролируемый хохот. К тому же еще и пыталась что-то объяснять на языке жестов, поскольку «переводчик» за мной не попевал. И... И вдруг поняла, что нигде и никогда еще люди не были так искренне рады меня видеть. Никто и нигде (родители, конечно, не в счет) так меня не любил. Я с ними всего несколько часов – а кажется, знаю всю жизнь. И это не гипертрофированная вежливость или притворство – невозможно ТАК притворяться (а если да – то какая разница, коль мне с ними так хорошо?). Я и с лучшими моими друзьями чаще молчу, чем говорю, а вот с ними общаюсь с огромным удоволь-

ствием. И даже называю Бехназ и Бехзада своими сестрой и братом. А Бехрузовых родителей – папой с мамой. У меня появилась вторая семья.

Что я там рассказывала про температуру и плохое самочувствие? Благополучно поболтав с семьей до трех часов ночи, я обо всем этом совершенно забыла. Правда, не позабыли они: весь следующий день мне носили чай с фисташками и прочими вкусностями. И всячески обихаживали и развлекали. Неплохой, кстати, способ лечения: я выздоровела через день, хотя обычно простуда растягивается на неделю.

Радужное отношение иранцев к иностранным гостям объясняется многими причинами. Жителям достаточно закрытой страны любой иностранец интересен по определению. Неважно, что говорит на незнакомом языке. Ему все равно помогут, чем могут, проводят, покажут, а то и чаем угостят – даже если познакомились с ним пять минут назад. Студенты и просто образованные люди в городах не упускают возможности попрактиковаться в английском. Русскому туристу не стоит удивляться, если его примут за немца, а то и за шведа. К жителям Германии в Иране более-менее привыкли – приезжает немало бизнесменов. На втором месте из западных стран по частоте посещения – Италия. Можно встретить немало японцев: со Страной восходящего солнца у Исламской Республики налажены прочные торговые связи. Китайцев очень много, но чаще они приезжают с деловыми целями: Китай за время санкций стал одним из важных торговых партнеров Ирана. По бизнесу часто приезжают граждане Турции и ОАЭ.

Китайские туристы в Исфахане.

Естественно, к священным для мусульман местам в святые города Ирана устремляется немало жителей стран Персидского залива. Но вот россиянин – птица редкая. И все же на базаре можно услышать произнесенное с жутким акцентом «здравствуйте» – иные иранцы еще помнят уроки разговорного русского, которые им преподали наши военные инженеры или строители Исфаханского металлургического комбината во времена СССР. С Советским Союзом и Россией ассоциации по большей части положительные: русских здесь считают чрезвычайно образованным и вежливым народом. Хотя дело не обходится и без расхожих стереотипов. Иранец будет поражен, если вы попросите его выключить кондиционер: «Тебе холодно?!

Как же так, ты же из России?!» В иранских школах подробно рассказывают о неудачных для Ирана войнах с Россией в XIX веке и потерянных им областях – у нас же этому моменту истории уделяют куда меньше внимания. С другой стороны, оккупацию Ирана Россией и Британией во время Второй мировой войны большинство персов представляют себе смутно. В любом случае вы окажетесь среди друзей, уважающих нашу страну. Иранцы хранят память об СССР как о государстве, способном бросить вызов самой Америке, хотя сегодня и вынуждены признать, что «Россия – это не Европа»...

Не хотите ударить в грязь лицом? Стоит заучить расхожее приветствие. В устах иностранца звуки родного фарси неизменно приводят персов в экстаз.

«*Салám*» примерно соответствует нашему «привет». «*Салám алéйкум*» («мир вам») – более уважительная форма, и если так поприветствовали вас, следует ответить: «*Алéйкум ас-салám*» («и вам мир»). Но одним «здрате» в Иране не отделаешься. Вежливый человек сразу спросит: «*Хáле шомá четóре?*» («Как Ваше здоровье?») или же «*Хáле шóма? Хúби?*» («Ваше здоровье? Хорошо?»). Не удивляйтесь, если собеседник задаст тот же самый вопрос практически одновременно с вами, после чего и отвечать вам придется в один голос: «*Хúбам, мóтша-керам*» («Спасибо, хорошо»). Ну а если иранец первым осведомился о вашем здравии, ответив, не забудьте переадресовать тот же вопрос ему, дабы не позорить нашу, столь вежливую в глазах персов, нацию.

В отличие от арабов, у персов нет сложной системы имен, отчеств и фамилий. В официальной обстановке иранцы обращаются друг к другу по фамилии, ставя *перед* ней уважительное «агхáйе» («мистер») или «ханúме» («миссис», «мисс») (например, «хануме-Хоссейни») («е/э» или «йе» – часть грамматической связки слов). Знакомых можно называть и просто по имени, однако им будет приятно услышать уважительную приставку, которая в этом случае ставится *после* имени («Эхсан-агха»). Если собеседник – ваш близкий друг, имеете полное право поставить после его имени словечко «джán(ам)» («джún(ам)»), что переводится примерно как «душа (моя)» и употребляется повсеместно. Иранец никогда не удивится подобной манере вести разговор. Его скорее поразит обращение без уважительных приставок или хотя бы традиционного «азизам» («дорогой мой»).

В Иране не меньше, чем в России, любят дарить и получать подарки. Даже если вы отправляетесь в деловую командировку, захватите с собой хотя бы пару матрешек и несколько плиток русского шоколада. Матрешка – традиционный символ России, а в Персии – стране сладкоежек – хороший шоколад делать не умеют (что с лихвой искупают другие сладости, о которых будет рассказано ниже). Сувенирчики понадобятся, если, к примеру, гостеприимный местный житель отвезет вас на другой конец города и наотрез откажется брать деньги (бывает и такое!). Партнеры по переговорам тоже не сочтут красивые коробки с шоколадом или дорогой одеколон взяткой и примут подарок с радостью. Знакомым иранцам наверняка придется по вкусу русская гжель или хохлома. На ура идут и расписные самовары (в Иране делают свои, но расписывать тут их не принято).

Глава 2 Харам, или «запретное»

Не тот умен, кто умеет отличить добро от зла, а тот, кто из двух зол умеет выбирать меньшее. Аль-Харизи

О том, что Иран – это исламская республика, где царит сухой закон, а женщины обязаны «заворачиваться в чадру», знает каждый. Однако далеко не всем известно, что правила мусульманского законодательства распространяются и на иностранцев. Не удивляйтесь, если иранские друзья не предупредят вас о возможных сложностях: за сорок с лишним лет, прошедших с момента Исламской революции, они настолько свыклись с навязанными (или избранными – это для кого как) нормами, что могут попросту забыть вас проинструктировать. Для читателей, с Кораном незнакомых, акцентируем внимание на трех основных моментах: запрете на употребление, производство и продажу алкоголя, необходимости придерживаться «исламской» формы одежды и на повальной половой сегрегации.

С алкоголем проще всего: иранский закон относится к нему так же, как российский – к наркотикам. Хотя официально в некоторых местах страны запрет на продажу спиртного не действует (в частности, на территории посольств и в христианских храмах для религиозных нужд – продаж и распределением спиртного руководят армянские общины), в Иране с «зеленым змием» лучше дела не иметь. Поговаривают о том, что небольшое количество крепких напитков можно провозить «для личных нужд», но рисковать не стоит – иностранца-«контрабандиста» ждет серьезная нервотрепка. Иранские полицейские страдают полнейшим отсутствием чувства юмора...

Безалкогольное иранское пиво.

Иранский закон относится к алкоголю так же, как российский — к наркотикам. Он полностью запрещен.

Сама я алкоголь в страну не провозила, но от своего соотечественника услышала следующую историю.

«Я сразу понял, что основная проблема в Иране — это сухой закон. А потому решил как следует подготовиться к поездке и запасся тремя бутылками коньяка «для личного пользования». Увы-увы! Увидев коньяк, таможенники, весьма слабо владевшие английским, приня-

лись объяснять на пальцах, что запретного плода я привез многовато. В конце концов самый авторитетный на вид взял бутылки и поманил меня за собой, в сторону туалета. Где при мне спустил их содержимое в унитаз и с ехидной улыбкой вернул тару. Мол, мы сами не пользуемся и тебе не дадим...»

Кстати, несмотря на все строгости в Иране все же «употребляют» – было бы желание. Люди не особо состоятельные пьют местный самогон или самодельное вино, которое конспирации ради продается в невинных пластиковых бутылочках. Средний класс позволяет себе дорогой алкоголь, который ввозят в страну контрабандой – стоимость его при этом взлетает до небес.

И все же алкоголь здесь не является важной частью социального общения, в отличие от России. Большая часть иранцев искренне его не понимают и не принимают. Если в Иране пьют – то в сугубо мужских компаниях. За годы, проведенные в Иране, ни разу не видела, чтобы выпивали женщины. В дом пришли гости? Никаких бутылок на столе... И ни-ни пить при детях. Моим русским спутникам-мужчинам предлагали некое малопрезентабельное местное вино. Лично мне – нет. Это считается невежливым.

А вот с наркотиками в Иране ситуация неблагоприятная. Несмотря на то, что за провоз и хранения полагается суровое наказание – вплоть до смертной казни. Но особых развлечений у народа нет, а под боком Афганистан с огромными полями мака.

Традиция курения опиума сложилась в Персии очень давно. Раньше и вовсе почти в каждой семье имелся небольшой запасец – чтобы гостей угощать. Некоторые историки считают, что применявшийся в обиходе неочищенный опиум сам по себе был не столь опасен. Но пагубное увлечение сыграло с персами злую шутку. Колонизаторы-англичане в свое время быстро смекнули: управлять народом, чей мозг затуманен парами дурмана, куда легче. Они научили персов очищать опий – известно, что чем чище наркотик, тем сильнее его действие и тем быстрее возникает зависимость. Правда, опиумная чума очень быстро перекинулась и в Туманный Альбион...

В Иране в начале XX века употребление опиума было почти нормой. Настолько, что во времена модернизации страны (начиная с 1960-х) иранское правительство было вынуждено выдавать пожилым людям купоны на получение строго ограниченных доз в аптеках. Жесткие исламские законы после революции 1979 г. отчасти задавили национальный порок. Несмотря на то что в «борьбе за трезвость» меры применялись жестокие, сегодня наркомания признается болезнью, а не пороком. В стране используется метадоновая заместительная терапия, другие современные методы лечения. При этом наркобаронов и контрабандистов никто не жалеет: около 80—90 % смертных казней в год по стране приходится именно на преступления, связанные с оборотом и хранением наркотиков в особо крупных размерах.

Западная благодать в виде «экстази» и прочей «синтетики» потихоньку проникает и в Иран – страдает в основном молодежь, хотя эти наркотики получили меньшее распространение, чем традиционные.

По иранскому ТВ крутят ролик социальной рекламы, основанной на реальных событиях. Двое парней, наглотавшись «экстази», отправились гонять по городу на машине. Учитывая местный стиль вождения, понятно, что полиция не сразу поняла, в чем дело... Одному из ребяток взбрело в голову выйти и купить сигареты. Он и вышел – на скорости 60 км/ч. Друг, сидевший за рулем, его крика не слышал, а через полчаса забеспокоился. И, недолго думая, вышел сам – уже на 80 км/ч. Назидательный ролик отличается редким реализмом – вот только неизвестно, удастся ли достучаться до иранской молодежи.

Теперь о том, как в Иране принято одеваться. Всем женщинам необходимо соблюдать хиджаб – исламскую форму одежды. Должны быть закрыты все части тела, кроме лица, кистей рук и ступней. Слишком яркая и обтягивающая одежда непозволительна. Бижутерия и макияж не запрещены, и иранки красятся куда ярче европейек. Чадра сегодня обязательна только при посещении мечетей и священных для мусульман мавзолеев. В повседневной жизни популярны легкие и стильные халатики с поясками, которые иранцы называют *манто*. Носят их с брюками, набросив на голову платок. В правительственных учреждениях, банках и прочих официальных заведениях сотрудницы обязаны носить если не чадру, то *макнаэ* (похожее на традиционный головной убор монахинь). Лицо открыто, но шея и волосы надежно скрыты от посторонних глаз.

Определенные ограничения в одежде предусмотрены и для мужчин. Им нельзя носить шорты (у мужчины ноги должны быть закрыты до колена, а лучше – и ниже), все ходят в брюках. Молодые люди летом носят майки с коротким рукавом, но люди постарше стараются выходить на улицу только в строгих рубашках. Показать с голым торсом на людях – верх неприличия и строжайше запрещено.

Иранки в чадре на выходе из мечети.
Такая одежда обязательна только при посещении мечетей и
священных для мусульман мавзолеев.

Чадра – лишь один из многочисленных видов национальной одежды. К примеру, в курдских провинциях есть весьма оригинальные и симпатичные костюмы и платья, хотя и не слишком «исламские». В деревнях и городках, что подальше от центра, люди могут одеваться очень консервативно, но при этом чадру практически не носить. В больших городах – другое дело... Да это и просто удобно – взял, накинул и пошел. Между прочим, чадра отлично скры-

вает изъяны фигуры. Но «накинул и пошел» – это если ты с девяти лет эту чадру носить приучалась. Моя первая попытка чуть не закончилась разбитым лбом, поскольку я с ходу зацепилась за подол. И руки заняты – иначе как эту занавеску без застежек на себе удержишь? Иные местные жительницы при необходимости освободить руки легко и непринужденно удерживают чадру... зубами (то есть уголками рта – ведь тряпка закрывает всю голову и щеки). Продвинутые тегеранки на таких смотрят с легким презрением – «деревенщина», мол.

Иранки в современных манто на улице в Тегеране.
Еще 10 лет назад все манто были однотонными и одинаковыми. Сейчас
они самых разных цветов и их можно носить и в расстегнутом виде.

С манто все сложнее, чем кажется на первый взгляд. Еще десять лет назад все манто были примерно одного покроя и однотонные. Сегодня в крупных городах они крайне разнообразны, а летом манто можно носить и в расстегнутом виде (поддев вниз майку, конечно). Есть и свои модные тенденции, ежегодно меняющиеся.

В целом хиджаб неудобен, но защищает кожу от яркого южного солнца. Я в середине осени (!) умудрилась себе в Исфахане лицо обжечь, а если бы на мне маечка с шортиками была? Однако ткань довольно тонкая, и когда она светлая, какой-нибудь внимательный «страж революции» вполне может рассмотреть что-то не то. То есть хочешь ходить в белом – поддевай еще что-то и тихо варись. Может быть, поэтому большинство иранок предпочитает темные тона в одежде?

По поводу закрытости женского тела мне все очень доходчиво объяснила в Тегеране студентка медвуза: «Женщины в Европе – идиотки! Скажи честно, сколько у вас импотентов? А простатит процветает? А у нас этого нет. Во-о-бще! А чего вы хотите? У вас мужики постоянно в напряжении. Наши женского тела не видят, зато когда надо – у них все прекрасно работает!»

Половая сегрегация в иранском обществе предписана законом. Вот несколько простых правил, о которых должен помнить всякий турист.

Даже путешествующие вместе муж и жена должны воздерживаться от проявления своих чувств в общественных местах. Позволительно держать друг друга за руки, но чересчур открытое проявление нежных чувств способно привлечь к вам нежелательное внимание стражей закона. Сами иранцы нередко преступают этот закон, но они знают, где и когда можно расслабиться, а вы – нет.

Пройтись по улице за руку не возбраняется.

Если никаких документов, подтверждающих законный брак, у вас не имеется, отнесите к приведенному выше правилу в три раза внимательнее. Иностранным парам в этом смысле легче: проблемы репродукции иностранцев иранцев не волнуют. В этом случае вас легко поселят в один номер, не спрашивая никаких бумаг (достаточно назваться «мужем и женой»). Но если вы путешествуете в компании перса или персиянки, к вам отнесутся со всей строгостью. Более того, для вашего спутника или спутницы последствия могут оказаться куда серьезнее, чем для вас самих.

Сексуальные отношения вне брака преследуются по закону и еще совсем недавно строго карались – вплоть до длительного тюремного заключения. Порой западные средства массовой информации трубят об очередной женищине, которую собираются казнить за измену мужу. В подавляющем большинстве случаев речь идет о той или иной «леди Макбет Тегеранского уезда», убившей мужа сообщая с любовником. И не стоит забывать, что наказание за измену равно полагается и мужу, и жене. Другое дело, что несовершенство законодательства обычно позволяет мужчине ограничиваться разводом с выплатой большого содержания. И все же повторяюсь: такие дела редки, иранцы не любят выносить сор из избы, многие стремятся сохранить брак ради детей. Я уж молчу, что для доказательства измены необходимы показания как минимум трех свидетелей-мужчин...

Лет десять-пятнадцать назад юноше достаточно было посидеть рядом с девушкой на скамейке – и неприятности обеспечены. Сегодня, к счастью, ситуация иная. Не считая весенне-летнего обострения у полиции нравов, влюбленные могут гулять относительно свободно.

Но вот поцелуи — это только в парке, только поздно ночью и только в самом темном и закрытом углу.

Пройтись по улице за руку не возбраняется, хотя при слишком пристальном внимании охраны порядка друг друга следует называть мужем и женой, честно глядя спрашивающему в глаза. Но вот поцелуи – это только в парке, только поздно ночью и только в самом темном и закрытом углу.

Гомосексуальным парам следует быть крайне осторожными. Не забывайте, что находитесь в стране, где за гомосексуализм официально полагается смертная казнь.

Согласно закону, если мужеложство будет доказано (для этого требуется не менее трех свидетелей-мужчин), обоих партнеров ждет высшая мера наказания. К лесбиянкам персы относятся снисходительнее: впервые или повторно уличенная в подобном преступлении подвергается избиению плетьюми. Если и это не вразумит, то на третий раз смертной казни не избежать.

Впрочем, на практике судебных дел, касающихся гомосексуализма, рассматривается крайне мало. Раскрученные в СМИ дела при ближайшем рассмотрении содержат иные элементы: так, например, несколько лет назад были казнены двое юношей, в течение нескольких лет развращавших (или заставлявших насильственно вступать в сексуальные отношения) мальчиков из нескольких классов своей школы (школы в Иране разделены). В этом случае и по российскому законодательству их бы уперли в тюрьму всерьез и надолго, и к дискриминации по признаку сексуальной ориентации это не имело бы никакого отношения.

При этом однополая любовь, как бы ни отрицало ее общество и закон, неизбежно процветает на почве строгой половой сегрегации. Во время прогулки по лесу на курорте у Каспийского моря мы как-то встретили пару юношей, обнимавших и целовавших друг друга, не скрываясь. Бояться им было нечего: полиции поблизости не наблюдалось, а в лесочек заглядывали лишь парочки – пофлиртовать друг с другом (то есть тоже совершить преступление).

Определенные ограничения ждут вас в транспорте. Мужчины заходят в автобус через переднюю дверь и размещаются в его передней части. Женщины, передав билеты водителю через ту же дверь, заходят в другую, в задней части салона. Замечу: дам по городу ездит ощутимо меньше, чем мужчин, и потому особенно приятно с комфортом расположиться в своей части автобуса, глядя на стиснутых на своей половине представителей сильного пола.

Вагон метро с женской половиной.
Вагоны метро в Тегеране смешанные, но два из них отведены
исключительно для женщин

Мужская половина отделена от женской металлическим поручнем. Вагоны метропоездов в Тегеране смешанные, но два из них отведены исключительно для женщин, не желающих находиться в тесном помещении с незнакомыми мужчинами.

Дождливым вечером мы с Фатимой (мамой моего мужа) ждем у мечети автобус. Толпа на остановке разделилась на две очереди – мужчины спереди, женщины сзади. Но вот незадача: нерасторопный водитель слишком сильно подал машину назад – и передняя дверь оказалась напротив женской шеренги. Тем временем мелкий дождичек превратился в настоящий ливень. И дамы решили иштурмовать автобус, не перегруппировываясь. Народ ломанулся вперед, мы, не отставая, следом. Иранки, соблюдая правила, сразу направились в хвост. Увы, от передней части он был отгорожен: поручень шел наискосок, так просто не перелезть, но пассажирки бодро через него перескакивали.

Я как раз прикидывала, как лучше преодолеть барьер: проползти снизу или перепрыгнуть сверху, как сзади подошла Фатима. Женщина она крупногабаритная, сразу стало ясно, что для нее единственный способ пройти в другую часть – разбежаться и барьер снести. Подумав, мы решили не портить государственное имущество и уселись в мужском отделении. Нашему примеру последовало несколько других женщин.

– Сейчас дождь идет, все злые и места мало, – пояснила Фатима. – Так что водитель слова не скажет.

С видом победителей мы доехали до дома.

При входе в аэропорт и во время посадки на самолет обращайтесь внимание на указатели. В целях безопасности проводится личный досмотр всех пассажиров – естественно, мужчин и женщин досматривают отдельно. В некоторых официальных учреждениях также действует система отдельных очередей по половому признаку.

Школы для девочек и для мальчиков в Иране – отдельные. В некоторых университетах вход для юношей и девушек отдельный. Предполагается, что студенты будут сидеть в одной половине класса или аудитории, а студентки – в другой. Естественно, молодежь и не думает эти ограничения соблюдать.

Напоследок стоит заметить, что в случае нарушения приведенных выше правил иностранцу грозят не такие уж серьезные санкции, ведь он всегда может сослаться на незнание или непонимание местных законов. В худшем случае вас ждет штраф или требование немедленно покинуть страну. Однако если вам нравятся приключения, не стоит вовлекать в авантюры граждан Ирана, для которых все может закончиться куда печальнее. Вас защищает статус иностранца (хотя посольство вряд ли встанет на защиту гражданина, попытавшегося, к примеру, провезти в Иран наркотики), иранцы же перед своей полицией бессильны. И если вы приехали в Иран по личному приглашению иранских друзей, то приглашающая сторона будет нести полную ответственность за ваше поведение и соблюдение вами местного законодательства.

Случилось это в те далекие времена, когда я приходилась Бехрузу не женой, а невестой. В пять утра мы отправились в аэропорт – провожать моего друга, вылетавшего в Москву. Зная, как ненадежно работают иранские авиалинии, решили посидеть в зале ожидания, пока его самолет не улетит.

Терять бдительность двум пока еще неженатым молодым людям в Иране нельзя. Но попробуй ее не потерять, когда вторую ночь подряд спишь меньше трех часов. Меня не спасал даже кофе, а Бехруз этот напиток не употребляет из принципа, так что он успел заснуть в кафе, пока я расправлялась с нехитрым завтраком и наслаждалась видом заснеженных горных хребтов. Там было жарко, и в результате мы снова вернулись в зал. Увы! Лишь в укромных уголках Ирана можно позволять себе вольности типа объятий, нежных рукопожатий или, не дай Бог, поцелуев украдкой (и с оглядкой). А мы находились в центральном аэропорту Тегерана – Мехрабаде, где каждый сантиметр просматривают камеры. Правда, не обнимались и не целовались. Мы просто заснули – я положила голову ему на плечо, он меня приоб-

нял... *И все. Я еще пыталась время от времени открывать глаза и следить за своим рюкзаком, но это не помогло.*

Взяли нас тепленькими. Как из-под земли появились две дамы, завернутые в черную чадру, под которой пряталась зеленая полицейская форма. Посветили удостоверениями и вежливо осведомились, кем мы друг другу приходимся. Я (нет чтобы сразу отодвинуться в сторону!) от ужаса вцепилась Бехрузу в плечо. Он спросонья брякнул, что я его жена. Неверный ход. У него тут же потребовали документы: пришлось отдавать паспорт. Удостоверение личности хотели забрать и у меня – к счастью, следуя мудрому совету друзей, я его с собой в Тегеране не носила. После чего последовали долгие и нудные расспросы. Отделавшись от полицейских, Бехруз отправился к администратору аэропорта, дабы через него вытребовать свой документ. Как выяснилось, паспорт отдадут, только если он привезет мой. Тут мы поняли, что вляпались окончательно...

Спешно эвакуировавшись из аэропорта, отправились советоваться с папой и мамой. Скоро стало ясно: спасти нас может только временный брак, заключенный задним числом...

Как вам понравится «свадьба» на срок от нескольких часов или месяцев до 99 лет?

Институт временного брака для мусульман-шиитов в Персии обладает весьма скверной репутацией. Еще бы! Как вам понравится «свадьба» на срок от нескольких часов или месяцев до 99 лет? Когда время, указанное в договоре, истекает, супруги автоматически считаются разведенными. Конечно, если они свой брак не продлили или не перевели в ранг постоянного. Временный брак требует куда меньше формальностей, чем обычный. Его сторонники утверждают: такой брак призван защищать права женщин (если в это время будет зачат ребенок, мужчину признают ответственным за него, и он обязан его полностью содержать до достиже-

ния 18 лет). Противники же называют узаконенной проституцией. Большинство иранцев придерживаются последней точки зрения, но в нашем отчаянном положении все средства были хороши.

К счастью, у Хоссейна (отца Бехруза) нашелся знакомый мулла, согласившийся оформить все формальности за два часа. Естественно, за некоторую мзду. С утра пораньше мы с Бехи отправились в папин магазин – встречаться с муллой.

Я весело поздоровалась с симпатичным бородатым дядечкой в черной рубашке, сидевшим по правую руку от папы, и принялась оглядываться в поисках обещанного служителя Аллаха. Но тут дядя встал и водрузил на голову белый тюрбан. Черная рубашка при ближайшем рассмотрении оказалась длинным балахоном, на который дядя на улице накидывал нечто вроде темной полупрозрачной шали. А взгляд... Как я сразу не заметила? Сладкий, аж приторный – как, впрочем, и интонации.

Не успели мы втиснуться в такси, чтобы проехать в нотариальную контору, как пара симпатичных девушек в соседней машине принялись строить нашему мулле глазки и отпускать шуточки. Это у них тут распространенный вид спорта – «дразнить муллу». Но наш мулла не дал маху – и пока такси разворачивалось, успел продиктовать девочкам свой мобильный. После чего двумя пальцами в перстнях извлек из кармана новенький аппарат, который тут же и зазвонил. Пока товарищ обговаривал с понравившейся девушкой, где и как им лучше встретиться, Бехруз толкнул меня локтем в бок:

– Ты на фарси НЕ говоришь!

– А что? Я думала, он вам друг.

– Ну пожалуйста, сама потом скажешь спасибо. Иностранку, понимающую хоть что-то, он будет стесняться. А так – полюбишься на муллу во всей красе!

Мой будущий муж, как всегда, оказался прав. Разобравшись с девочками, дядя пристал к «молодожену», отпуская такие сальные шуточки, что уши вяли даже у меня, до которой доходило не более десяти процентов разговора. В свое время они вели дома у моего семейства длинные религиозные споры – и теперь наш новый знакомый явно намеревался взять реванш. В нотариальную контору все приехали в приподнятом настроении – и, оставив таксиста мокнуть на тегеранском дождичке, дружно отправились посвящать меня в ислам.

Тихо постукивая зубами (все-таки не каждый день принимаешь новую религию) и поминутно поправляя платок, который на голове держаться не желал, я вошла в кабинет к нотариусу – коим оказалась симпатичная улыбающаяся иранка, которая тут же принялась перешучиваться с нашим муллой. Они обменивались репликами столь интенсивно и с такими нежными интонациями, что я, не выдержав, потянула Бехруза за рукав:

– Это его любовница?

– Ну почему сразу любовница? Это его жена – у них с ней как раз временный брак. У него еще и другая есть, с ней брак постоянный. Но у них проблемы – хотят развестись, тогда он заключит постоянный брак с этой.

– А пока, значит, живет с двумя?

– Это же временно...

Жить с двумя женами, с точки зрения иранской морали, страшнейшее нарушение общественных устоев (пусть закон и утверждает обратное). С многоженцами приличные люди вообще не общаются. В больших городах таких практически нет, в деревнях их побольше, но и там они пользуются дурной репутацией.

Пока улыбающаяся тетя готовила документы и пыталась выяснить, смогу ли я написать несколько слов на фарси, мулла пощелкивал четками и продолжал шутить. Но вдруг посерьезнел: мне пора было произносить шахаду. С шахадой вышла небольшая заминка – наизусть я ее, естественно, не знала, и Бехруз второпях написал мне арабский текст латин-

скими буквами на листке бумаги. Минуты две я пыталась на английском выяснить у Бехи, можно ли просто прочитать нужные слова по бумажке или надо их говорить наизусть – за это время мулла совсем помрачнел и насунился.

Но тут я сказала: «Спокойно!» – картинным жестом извлекла листок из кармана и прочитала заклинание, долженствовавшее открыть для меня врата рая:

*«Ашхаду алля илляха илля Ллах
Ашхаду анна Мухаммадар рассулю Ллах
Ашхаду анна Али он валио Ллах».*

То есть «свидетельствую, что нет Бога кроме Аллаха, свидетельствую, что Мухаммед – пророк Аллаха, и свидетельствую, что Али – представитель Аллаха». Фраза про Али характерна, естественно, только для шиизма – так что я теперь еще и шиитка. Кстати, никто не просил меня повторять текст три раза, как я ожидала. Видимо, с иностранцев и одного достаточно.

После этого мне выбрали мусульманское имя – Париса. Затем я подписала кучу самых разных бумаг – нет, не кровью, крови попросту бы не хватило. После чего со всеми документами (в которых было указано, что ислам я приняла чуть не в день своего приезда в Иран) мы отправились в местный загс.

Офис был битком набит народом, но нас обслужили сразу и по первому классу. Улыбчивый дядя даже попытался заговорить со мной по-английски, после чего принялся наскоро заполнять квиток (по ходу переврал мое имя и фамилию) и клеивать туда наши фото.

Брак решено было заключить на три года – это крайний срок, после которого я твердо рассчитывала обосноваться с Бехрузом в России. Оставалось решить вопрос с мехром – то есть вознаграждением, которое будущий муж обязан мне выплатить по первому требованию в течение совместной жизни либо если захочет подать на развод. Я сказала, что мне достаточно минимального выкупа: одного Корана (он по закону полагается всем девицам) и 14 золотых монет (на тот момент их стоимость составляла около полутора тысяч долларов).

Церемония бракосочетания по-персидски выглядит просто: дядя быстро-быстро талдычит что-то по-арабски, потом на фарси, и после определенной фразы жених и невеста должны сказать свое веское «да». Когда именно это надо сделать, Бехруз мне толком не объяснил. В результате я свое «бале! бале!» выпалила, как только представился удобный случай. После чего дядя посмотрел на меня как-то странно, а народ, сидевший в кабинете, заулыбался. Однако дело было сделано – и только поставив с десятка подписей в разных частях документа, я смогла осведомиться у законного супруга о причине общего веселья:

– Э-э-э... Ну, понимаешь... По традиции невеста, к которой обращаются с таким вопросом, должна сначала отказаться, выразить свое неудовольствие. И только на третий раз ответить, что согласна. А ты с ходу завопила «да» на весь офис.

– Не фига себе! Я сюда замуж пришла выходить или кота за хвост тянуть? Вы бы хоть предупредили...

Все течет, все меняется. Избрание президента Хасана Рухани в 2013 г. многих обрадовало. И впрямь казалось, все меняется: ядерная сделка в Лозанне предусматривала снятие санкций в обмен на отказ Ирана от разработки атомного оружия. Иранский рынок оживился, стало меняться отношение к Ирану в мире, это повлекло и внутренние изменения в стране.

Времена изменились.
Манто на девушках выше колен и без пуговиц, платки небрежно
накинуты на головы.

Свобода – последнее, что я ожидала найти в Иране. Надо было ступить наконец на иранскую землю, прокатиться на тегеранских такси, пройти по улицам, прийти в дом моей семьи, чтобы понять наконец, как все изменилось. Манто на девушках выше колен и без пуговиц, платки небрежно накинуты на головы. Нередко дамы попросту накручивают на голову обычный шарф – соответственно, сзади пучок торчит и спереди челку видно. В ресторанах

и развлекательных заведениях появилось множество надписей – слезных просьб «соблюдать хиджаб». Раньше такого не было, хиджаб воспринимался как неотъемлемая часть жизни, о которой незачем лишний раз напоминать. Теперь же посетительницы так и норовят оголиться...

В магазинах прибавилось импортных товаров – и традиционный сохан из Кума мирно соседствует с конфетами Nestle, бог весть где изготовленными. Ободранных «Пейканов» на дорогах все меньше: по правительственной программе населению дают возможность приобретать новые (относительно) машины местного производства, а старую рухлядь с дорог удаляют. Народ смотрит в будущее с плохо скрываемым оптимизмом и учит английский язык: англоязычных вывесок и надписей сейчас раза в два больше, чем год назад.

Увы, период оптимизма был недолог. В Америке сменился президент, и сделка фактически перестала существовать. Санкции вернулись, Иран вновь видится многими как страна-изгой и полагается только на внутренние ресурсы. А народ? Народ окончательно разочаровался в политике и политиках.

Глава 3 В гостях в иранском доме

Если гость твой тысячу раз сделает нелепость и скажет что-либо неподходящее, ты все ему прощай. Кабус

Кто не побывал у иранцев в гостях – не видел настоящего Ирана. Дом перса – его крепость, семейный очаг, место отдыха и сокровенное владение. Внешний мир полон опасностей, постоянно приходится хитрить и изворачиваться, лицемерие необходимо для выживания. Только дома можно расслабиться и побыть самим собой. Главная ценность в Персии – семья. А что может быть для семьи важнее дома?

Мы останавливаемся перед дверью Бехруза. Папа возится с замком, а все остальные дружно принимаются снимать обувь. По привычке делаю шаг, чтобы разуться в коридоре квартиры. Бехруз машет руками:

– Что ты, мама тебя убьет!

В квартиру даже шагнуть в ботинках нельзя: сняв обувь за дверью, ее тут же ставят в специальный шкафчик у входа. Сумки и пакеты, если на улице их ставили на пол или сиденья в транспорте, тоже просто так на ковры не бросают. Сначала подстелют газетку, а потом – милости просим.

Все эти предосторожности не просто свидетельствуют об аккуратности персов. В доме, где на полу спят, а нередко и обедают, ковры должны содержаться в идеальной чистоте. И зимой, и летом дома предпочитают ходить босиком. Тапочки – для особо непривычных к коврам гостей из России.

Мне посчастливилось побывать в нескольких городских квартирах в Тегеране. Квартиры иранского среднего класса мало чем отличаются друг от друга. Старинные мягкие ковры прекрасно сочетаются с LCD-телевизорами и новейшими музыкальными центрами. В персидских домах хватает мебели, хотя привычные нам кровати здесь не считают обязательным предметом интерьера. В почете стиль а-ля Людовик XIV – имитация позолоты и резьбы в стиле рококо. Персы вообще большие поклонники всего французского, ведь культура и искусство Франции в свое время были в стране необычайно популярны. Давайте совершим прогулку по типичной иранской квартире.

Гостиная

Сюда попадают из прихожей, миновав шкафчик для обуви. Прием гостей – всегда событие, хотя в иранском доме гости появляются каждый день и нередко – без предупреждения. Что ж, у хорошей хозяйки всегда должны быть припасены фрукты, пирожные, чай и орехи всех сортов.

В гостиной ставят большой стол с соответствующим количеством стульев, но пользуются им нечасто. Гости предпочитают рассаживаться в креслах и на диванчиках, расставленных в углах, или же просто на подушках, на коврах. Дело хозяйки – вовремя подать на маленьких тарелочках яблоки, апельсины или бананы. И, разумеется, огурцы: еще древние иранцы заметили, что огурец перебивает вкус съеденного фрукта – и после него апельсин, к примеру, можно есть без привкуса яблока. Обязательно подается чай. Каждому принесут отдельную порцию на тарелочке, с ножичком, и будут следить, чтобы вовремя заменить остывший чай на горячий и подать еще фруктов. Персы очень любят крошечные столики, которые удобно переносить

с места на места. Нередко трапеза ограничивается фруктами и семечками – иранцы ходят в гости друг к другу ради общения, а не ради угощения. Но если дело близится к вечеру, гостям непременно предложат разделить с хозяевами и ужин.

В семейных или дружеских обедах-ужинах участвует немало народа. Пятнадцать-двадцать человек за «европейский» стол в городской квартире не посадишь при всем желании. На помощь приходит традиционное «софре» – скатерть, расстеленная на полу (сначала на ковер стелют одеяло, затем – клеенку). На ней расставляют приборы и блюда с кушаньями. Сидеть за таким импровизированным столом удобнее всего по-турецки – а этим искусством персы владеют в совершенстве.

В первые же дни моего пребывания в Персии нас захлестнула волна гостей. На смотрины невесты из далекой северной страны собрались все родственники, живущие как в Тегеране, так и за его пределами. В другое время я бы, вероятно, стусивалась от такого потока внимания. Но с персами, даже не зная ни слова на фарси, чувствуешь себя свободно. В их глазах светится искренность, в рукопожатии чувствуется уважение – причем руку мне пожимали и мужчины, и женщины. Неловкие попытки заговорить по-персидски вызывали у присутствующих неподдельный восторг, и окружающие меня всячески поддерживали. Теплота, царящая среди трезвенников-персов, в русской компании возникает разве что после третьей рюмки... Разумеется, и тут бывают свои конфликты, сложности в отношениях и прочие незаметные постороннему проблемы. Но вежливость и дружелюбие – краеугольный камень общественных отношений, а в гостях полагается вести себя еще лучше, чем дома.

Персы не только много и активно общаются, но и у иностранца вызывают желание включиться в беседу со всем возможным энтузиазмом. То, что английский у многих присутствует лишь в зачаточном состоянии, никого не останавливает. Каким-то совершенно фантастическим образом объясниться удается всегда: как говорится, было бы желание... Гость и разговор – это святое. Всякие мелочи жизни вроде назначенных ранее встреч, запланированной работы и прочего при появлении гостей (которые тут вовсе не обязаны предупреждать о своем приходе заранее) немедленно отходят на задний план.

Через две недели, впрочем, я уже с нетерпением ждала, когда же поток гостей, наконец, иссякнет. Для замкнутого московского жителя необходимость улыбаться очередной толпе иранцев каждый вечер, без праздников и выходных, оказалась непосильной ношей. Кончилось все тем, что по вечерам мы с Бехрузом стали откровенно сбегать из дома под мамины окрики: «И чтоб к девяти назад, у нас гости!» Пару раз я притворялась спящей. Сон, по мнению персов, неприкосновенен, и прерывать его можно только ради дел государственной важности.

Теперь же я ругаю себя за пропущенные вечера. Где та радость, способная разбить даже мою врожденную скованность? Я могу не помнить имен, но никогда не забуду улыбающиеся лица, пожелания счастья и бесконечные подарки. А еще я научилась сидеть по-турецки. Уж больно неудобно устраиваться за софре на коленях – пока вилку до рта донесешь, половина риса рассыпается...

Спальни

В средней иранской семье детей как минимум двое-трое, и на отдельные комнаты для всех могут рассчитывать лишь зажиточные иранцы. Каждый квадратный метр на счету. Вот тут-то и выручает иранская нелюбовь к кроватям. Если в спальне родителей таковые еще ставятся, то молодежь чаще устраивается на матрасах на полу. Встал, матрас скатал, вместе с бельем в шкаф сложил – и можешь хоть танцевать.

После визита в Иран я поняла: далеко не вся мебель так уж необходима. Зачем столы и стулья, если существует скатерть-софре? И кому нужны кровати, когда есть удобные матрасы? Нам с Бехрузом, как молодым супругам, выделили отдельную комнату – ясное дело, без кровати. Говорят, спать на полу полезно для спины. Не знаю. Зато с такой постели уж точно ночью не свалишься. Может, перенять полезную привычку у иранцев?

От одного предмета мебели персы все же никогда не откажутся – от книжных полок. В спальнях городских квартир можно обнаружить самые причудливые собрания: от современных политброшюр на фарси до антикварных книг по медицине на французском. Любопытно: книги или учебники на английском можно увидеть и в домах, где никто толком по-английски не говорит. Все это – наследие дореволюционных времен, когда иностранцы чувствовали себя в Иране как дома.

Кухня

На кухне священнодействует хозяйка. По давней традиции большая часть пожилых иранок, даже в городах, не работают, а ведут хозяйство и нисколько этим не тяготятся. Скучать им не приходится: пока детей с мужем накормишь, пока постираешь, погладишь, ковры пропылесосишь...

Иранские кухни в городах полны современной техники: тут вам и стиральная машина, и посудомоечная, и пара-тройка холодильников, и микроволновка... Естественно, все это в квартире появляется по мере роста благосостояния семьи – блага цивилизации стоят недешево. Но без чего вовсе невозможно представить иранскую кухню, так это без самовара! Называют его персы точно так же, как и мы, позаимствовав это слово из русского языка. И раз заговорили о заимствованиях, находясь на кухне, стоит назвать еще два: «этакан» (маленький стаканчик для чая) и «колбас» (колбаса).

Иранский самовар в техните мина кари.

Возвращаясь к самоварам: в деревнях пользуются традиционными агрегатами, а вот в городах их сменили самовары электрические – по сути дела, электрочайники.

Как и многие, я воспитана на рассказах о восточных женщинах, чье место – на кухне. А еще у них жестокие супруги, регулярно распускающие руки... Вид Хоссейна, аккуратно отмывавшего тарелки, пока Фатима общалась с гостями, поверг меня в шок. А он рассмеялся: – Гляди-гляди, как иранский муж угнетает свою жену!

Конечно, в иранских семьях бывает всякое, как и в русских. Однако арабская традиция четкого разделения обязанностей супругов здесь принимается далеко не всеми. Поэтому семьи в целом очень устойчивы. Фатима не работает, а Хоссейн с утра трудится в своем магазине, но неизменно приносит домой полные авоськи продуктов: мол, жене незачем таскать тяжести.

Мужчины выполняют физически тяжелую работу вроде мытья окон или стирки пальто и курток (когда в доме нет стиральной машины). Да, домашние обязанности – дело жены, но ведь женщины такие хрупкие, им надо помогать (хотя бы по выходным). У знакомых наблюдала следующую сцену: муж пришел домой с работы, жена-студентка принесла пару книжек из библиотеки и завалилась на диван. Мол, милый, я так устала, там такая жара, такие пробки, головы поднять не могу... И милый после рабочего дня, без всяких препирательств, отправился на кухню, все приготовил, принес жене ужин, да еще и посуду помыл.

На кухне обычно имеется столик для всяких хозяйственных надобностей. Но есть там же, где готовят пищу, не принято. Ведь ковра на кухне не постелешь. Кстати, перед входом иногда ставят безразмерные пластиковые тапочки – босоногим иранцам очень не нравится ходить по холодному кафелю.

Ванная

Ванная, или «хаммам» (слово, знакомое любителям турецких бань) – настолько необходимая часть любого дома, что иранцы побогаче стараются устроить в квартире как минимум две ванных комнаты. Культ чистоты (в этом смысле исламские призывы к постоянным омовениям очень гармонично сочетаются с традиционной персидской аккуратностью) главенствует везде. Иранца может смутить даже грязный воротничок пассажира в автобусной толкучке. Мало того, что иранские домохозяйки с утра до ночи моют и убирают квартиры, так еще и все члены семьи посещают душ по два раза в день. Ванну тут встретишь нечасто – душ экономичней и места не занимает.

Душ – это священнодействие, и любой перс переживает настоящий экстаз, наслаждаясь струями прохладной воды. Время в хаммаме течет незаметно. А потом еще надо все тщательно за собой убрать, вымыть и тихо проскользнуть в мокром полотенце в свою комнату. Даже халат приносить в стандартную городскую ванную бесполезно, поскольку душ забрызгивает все: пол, потолок, стены и даже дверь. Пару раз попытавшись проникнуть в ванную после того, как кто-то ею воспользовался, я, чертыхаясь, возвращалась к себе переодеться – не ходить же по квартире в штанах, мокрых до колена! Кто их знает, этих иранцев: может, они как-то герметизируют дверь, затыкают слив, наполняют комнатку водой до половины и плещаются там, как в бассейне?!

Слив сделан прямо в полу, что очень удобно: лей воду сколько хочешь, но на головы соседей ни капли не попадет. Однако я так привыкла к нашим тесным ванным и душевым кабинкам, что в первый раз не сообразила этот слив открыть. В результате хаммам наполнился водой по щиколотку, и она начала тихонько переливаться через порог. Хорошо, кто-то вовремя постучал в дверь, не то дело закончилось бы плавающими коврами...

И в ванную, и в туалет входят в специально стоящих там резиновых тапках. Выходить в них за пределы ванной нельзя, чтобы не разносить воду по дому.

С туалетами все просто: иранцы пользуются стандартной азиатско-мусульманской конструкцией: «дыркой в полу», над которой приходится вставать на корточках. Рядом – специальный шланг для немедленного омовения интимных мест. При этом даже малышей приучают подмываться исключительно левой рукой, а брать, к примеру, еду со стола – правой. Ученые,

кстати, доказали: именно такой унитаз и меры гигиены предохраняют от многих малоприятных заболеваний.

Хозяин небольшого отеля, помнится, как-то жаловался на необходимость устанавливать в гостинице сразу две канализационные системы: поскольку иранцы терпеть не могут европейских туалетов, а иностранцы постоянно жалуются на иранские. Что ж, перефразируя известную поговорку, всяк кулик свой унитаз хвалит...

Глава 4 Та'аруф – иранский этикет

Ложь, предотвратившая беду, Лучшие правды, сеющей вражду. (Персидская пословица)

Даже за пределами Ирана я не раз сталкивалась с потрясающей способностью персов — помогать тем, кого не знаешь и вообще впервые видишь.

Иранская система этикета подразумевает неустанную заботу о ближнем. Ближнего, коли уж ты с ним имеешь дело, надо обязательно накормить, напоить и главное – устроить со всеми удобствами. Твой коллега-собеседник-друг-родственник-клиент должен чувствовать себя «удобно» (*рахат*): удобно сидеть или стоять, есть или спать, разговаривать или молчать. Фокус в том, что и другой иранец в этой ситуации старается сделать собеседнику «рахат» в свою очередь, вежливость нарастает, маразм крепчает и порой дело доходит до абсурда – когда всем становится совершенно «*нарахат*» (неудобно), но все старательно делают вид, что все у них «рахат», чтобы другим не стало «нарахат», чтобы... Уверяю, в хитросплетениях иранского этикета вы запутаетесь куда быстрее, чем в этой фразе.

На первых порах удивляют постоянные вопросы: «Вам удобно?», «Ой нет, вам неудобно, сядьте сюда, здесь теплее / холоднее / мягче сидеть», «Вам точно не нужна шестая подушка? Но вам же без нее неудобно, я вижу! Что, и третьего одеяла не надо? Да это вы просто из вежливости!»

«Рахат» касается и чисто психологических удобств и неудобств. «Не говори ему, он расстроится», – это тоже из области уюта и комфорта. В самом деле, зачем человеку делать «нарахат»? Неприятную новость оттянут до последнего момента, когда ее уже не избежать (и, как правило, уже ничего нельзя исправить). Казалось бы, почему не открыть карты сразу? Но священное правило «рахата» не позволяет это сделать – комфорт другого превыше всего, даже пользы дела.

Предусмотрительность иранцев поражает – на их фоне чувствуешь себя невежливым варваром. Пассажир, садящийся на переднее сиденье такси, извинится перед знакомым, усевшимся на заднее – мол, ничего, что я к вам спиной сижу? Верно, такое и в других странах бывает. Но в какой еще стране за свою «спину» будет извиняться водитель авто (конечно, если он знаком с пассажирами)?! И даже перед незнакомым таксист не преминет принести свои извинения за слишком громкий клаксон или ухабистую дорогу.

К великому сожалению, понятие «рахат-нарахат» исчезает, стоит вам покинуть круг друзей. В автобусах и магазинах люди толкают и бьют друг друга в бока не хуже, чем в России. Бюрократу плевать, что вы шестой час стоите в очереди или восьмой месяц добиваетесь нужной бумажки. Правда, полностью отказаться от иранской вежливости не удастся даже чиновникам. Нужную бумагу вы не получите, но вас наверняка напоят чаем, да еще и осведомятся: «Ну как вы? Скажите, вам удобно?»

Та'аруф – не просто система правил, это стиль жизни. Персидская история повидала множество крутых перемен и общественных переворотов. Люди не знают, чего ожидать от жизни: дворник, который сегодня подметает твою улицу, может завтра стать важной шишкой. И на всякий случай обращаться с ним стоит подобающим образом. Где угодно – на улице, в транспорте, в гостинице – вежливый перс непременно скажет уборщику, грузчику или строителю, встреченному им за работой «*Хасте набашид*» («Да не устанете вы!»), демонстрируя таким образом свое внимание и уважение к его нелегкому труду.

В стране, чьи жители не обращаются друг к другу иначе как «дорогой мой» («*азизам*»), вежливость срабатывает прямо-таки на подсознательном уровне. Люди могут полчаса спорить, кому из них убирать со стола, сесть в более удобное кресло и т. п. Сами иранцы любят рассказывать о себе следующий анекдот.

Одна женщина не могла разрешиться от бремени в течение шестидесяти лет. В конце концов она все-таки родила: на свет появились три бородатых старичка. На вопрос разгневанного отца, почему они так задержались, дети ответили:

– Мы никак не могли договориться, кому пройти первым.

Помню, в свое время вежливость работников иранского посольства доводила меня до белого каления. Мне отказывали в визе, но при этом не забывали осведомиться, как мое здоровье, и пожелать удачи. С русской точки зрения – чистое издевательство! Но иранец бы так не посчитал: работник посольства делает что может и пытается помочь хотя бы своим участием...

Вежливость Бехруза в родной стране тоже порой приводила к забавным ситуациям. Неподалеку от какого-то музея к нам пристал мальчишка, настойчиво клянчивший деньгу. Бехруз и его приятель Реза полчаса уговаривали настырного попрошайку отвязаться в следующих выражениях: «Ну милый, ну дорогой, ну отстань от нас, пожа-а-алуйста...» Наконец, он окончательно меня разозлил, я и послала его куда подальше, не стесняясь в выражениях – все равно русского не знает. К счастью, он прекрасно понял мою интонацию. Передразнил мою длинную тираду и убеждал... Могу поспорить, что Бехруз вел бы с ним переговоры еще часа два.

Ругаться при посторонних – такую роскошь себе могут позволить только русские. К тому же персы стеснительны – порой до смешного. Тут опять стоит вспомнить известный анекдот.

Иранец приходит в магазин. Мнется, жметесь, краснеет и поминутно извиняется. Наконец с трудом выговаривает:

– Простите... извините, что я об этом прошу, но все же, еще раз извиняюсь, не могли бы вы мне продать лампочку?

Выдавая товар, продавец с любопытством спрашивает:

– А что ж вы так извинялись, пока эту лампочку просили?

– Ну... видите ли, извините, прошу прощения, эта лампочка – для туалета...

Жизнь иранцев полна ритуалов, призванных продемонстрировать их благовоспитанность. О них стоит помнить и иностранцу, если он хочет, чтобы о нем составилось хорошее мнение. Вот три основных выражения, которые необходимо знать вежливому туристу.

Спасибо – «*мóтшакерам*» или «*мёрси*». Большое спасибо – «*хэйли мóтшакерам*». Выражать свою благодарность принято и у нас, но в Персии из умения благодарить сделали настоящее искусство. Хотя упомянутые выше варианты – самые распространенные, существует и по-восточному витиеватое «да не устанет рука ваша» (*даст-е шомá дард наконé*), которое употребляют очень часто в ответ на ту или иную услугу. Это выражение порадует и радушную хозяйку дома, после того как вы завершите трапезу. В этом случае можно еще и присовокупить традиционное «было очень вкусно» (*хэйли хошмаззé буд*).

Пожалуйста – «*хахéи миконám*». Это слово стоит запомнить, хотя бы чтобы знать, как отвечать на бесконечные иранские благодарности. Буквальный перевод: «я вас прошу», и употребление соответствующее. Но приглашая гостя в дом или предлагая стул, иранцы скажут «*бефáрмаид*».

Извините – «*бебахшíд*». Произносится по поводу и без повода, чем больше, тем лучше. Персы извиняются за все на свете: за плохую погоду, за недостаточно вкусный, по их мнению, обед, за то, что посмели пройти в дверь первыми и так далее и тому подобное. Если хотите поразить собеседника, когда он в очередной раз извинится, что повернулся к вам спиной, произнесите: «*Голь пошт-о-ру надарé*» («У цветка спины нет»).

Иранцы – теплые, милые, и когда дело доходит до каких-нибудь мелких услуг, даже забывают про извечную привычку откладывать все на завтра. Можно, зайдя в магазин, спросить продавца, где тут ближайший ресторан, а стоящий рядом покупатель возьмет – да

и предложит вас подвезти, поскольку они с женой как раз туда направляются. Бесплатно, ясное дело, хотя на такой случай у меня в карманах всегда была припрятана пара матрешек. Вообще даже за пределами Ирана я не раз сталкивалась с этой потрясающей способностью персов – помогать тем, кого не знаешь и вообще впервые видишь.

Встретив знакомого на улице, одними приветами не ограничишься, даже если за тобой гонится вся иранская полиция. В Иране вообще не говорят просто «привет». Говорят: «Здравствуй! Как дела? А как твоя семья? А сестру уже из больницы выписали? А на работу брат устроился?» – ну и далее по списку.

То, как важны гости, без которых не обходится ни один день, уже упоминалось. Интересно, что гостя полагается провожать, по максимуму демонстрируя, как жаль с ним расставаться. То есть один из хозяев непременно тоже оденется, выйдет на улицу и пройдет с ним до ближайшей остановки или дороги, где можно поймать такси.

Еда – особый случай. Рядом с тарелкой вместо ножа кладут ложку – так удобнее есть рис: вилкой его укладывают на ложку, после чего ложку отправляют в рот. Нож вам тоже подадут – потом, вместе с вилочкой для фруктов. Поедание фруктов – чрезвычайно сложная процедура, требующая множества инструментов.

Поставили передо мной тарелку с ломтиками ананаса. Как я их ем? Правильно, хватаю пятерней и отправляю в рот. Хоссейна, моего свекра, при виде такой картины чуть удар не хватил. Он взял ножичек, демонстративно порезал эту дольку на кусочки, затем на вилочку одну дольку насадил – и эту вилочку мне протянул. Во взгляде читалось: «Надеюсь, Маугли ты моя, для тебя еще не все потеряно».

Та'аруф проникает всюду – даже в деловые отношения, обычно чуждые всяких эмоций. Не удивляйтесь, если продавцы и таксисты будут... отказываться от денег, произнося традиционное «*габэль надарé*». Вежливость требует продемонстрировать: им настолько приятна ваша компания, что они готовы работать на вас бесплатно. Но, отдав дань хорошим манерам, они затем без зазрения совести обдерут вас как липку.

Однако у бесконечного та'аруфа есть и оборотная сторона. Угодить всем и вся невозможно, но жесткие общественные правила требуют неизменной вежливости. Остается один выход: врать. Обещать требуемое та'аруфом – и не делать, бежать куда-то по личному делу – и говорить начальнику, что заболел, строить планов громадьё – и не выполнять ни одного из них. Милейшие иранцы так привыкли к маленькой лжи в повседневной жизни, что не могут без нее обойтись и в более серьезных делах. При этом никто никому зла не желает. Просто кто не умеет врать, тот далеко в этой жизни не продвинется. Впрочем... разве это правило характерно только для Ирана?

Иностранцу следует помнить: ко всякому обещанию относиться надо осторожно. Верьте тем, кого хорошо знаете и кто не клянется достать Луну с неба. Мило улыбайтесь и кивайте остальным – больше от вас ничего не требуется. Вскоре вы научитесь адекватно реагировать на высказывания типа «да я за тебя на амбразуру лягу» и делить на четыре клятвенные обязательства осыпать вас золотым дождем. Тогда вам точно не придется жаловаться дома на «хитрых азиатов», которые обвели вас вокруг пальца.

Во время одного из перелетов Москва – Тегеран я спросила возвращавшегося домой с конференции иранского профессора, что его особенно удивило в русских. Он тут же ответил: – Они всегда говорят правду! Это поразительно...

Я пожала плечами: в конце концов, профессор провел в Москве всего четыре дня.

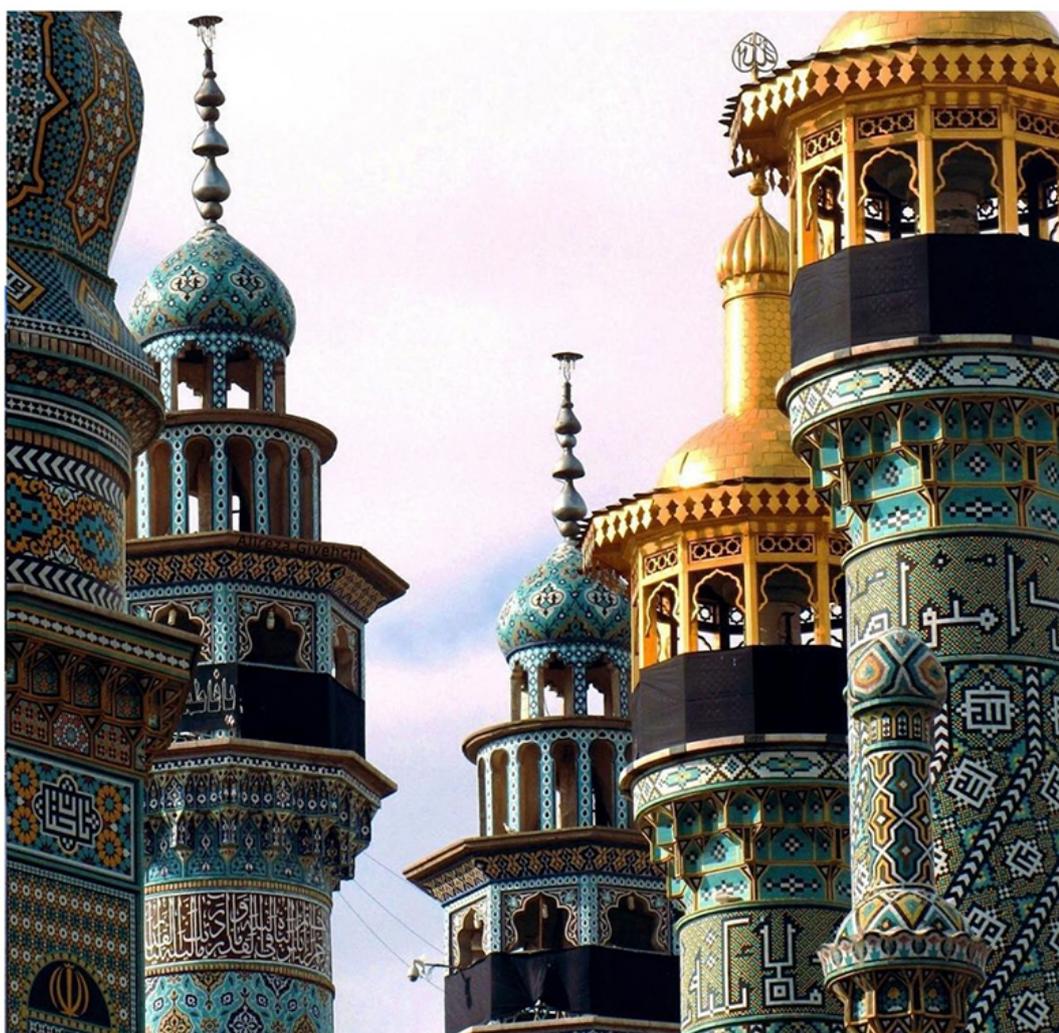
Именно в Иране начинаешь понимать, как сильно мы зависим от окружающих и бесчисленного числа мелких обстоятельств. Хоть из кожи вон лезь, чтобы сделать все вовремя, все равно не выйдет: потому что один человек не пришел, другой что-то забыл, потом пришлось отстоять километровую очередь, а чиновник, у которого сегодня рабочий день, решил устроить себе выходной и т. п. Это даже не «цепочка обстоятельств», а железная цепь, которая делает бессмысленным всякое четкое планирование. И от нее страдают все: можно поспорить, что начальник не явился на работу не из-за лени, а из-за того, что у него сын в этот день побил машину. Забывчивость вашего друга также вызвана не зависящими от него проблемами и так далее, до бесконечности.

Согласна, «неудачные» дни регулярно случаются и в России. Но в Иране они являются не исключением, а правилом. Поэтому всякому иностранцу (особенно несчастному, решившему с иранцами «крутить бизнес») стоит порекомендовать всякий оговоренный срок умножать на четыре (даже если все кругом машут руками и уверяют, что завтра все будет сделано). И четко помнить: как бы мало вы ни планировали на день, больше пятидесяти процентов из этого выполнить не удастся – и вообще, лучше всего расслабиться и получать удовольствие. Тут все так живут, и вам того же желают.

Глава 5 Ислам в Иране

Ищите Бога в собственном сердце, ибо вы не найдете Его больше нигде. Франсуа де Ларошфуко

В полдень над тегеранскими крышами разносится мелодичный азан – призыв на молитву. Голос муэдзина звенит из каждого громкоговорителя и радиоприемника и с экранов телевизоров. Он настаивает в любом уголке. Когда возвращаешься в Москву, в полдень и на заходе солнца без этого зова чего-то ощутимо не хватает. Азан ассоциируется с Исламской Республикой больше, чем ее собственный гимн. Музыкальный напев зовет к правде и просветлению и хвалит чудеса мира, созданные Всевышним.

Минареты на мавзолее Фатимы Масуме в Куме

Азанов бывает великое множество. Существует около десятка известных и очень красивых азанов, которые и звучат в эфире. Призыв на молитву всегда произносится только на арабском языке. Значение у всех азанов примерно одинаковое: «Собирайтесь на молитву, приобретайте к свету и добру, ищите спасения у Аллаха». По всем семи иранским телеканалам под звуки азана демонстрируют особенно красивые кадры: чудеса рукотворные (старинные мечети) и нерукотворные (великолепные иранские пейзажи и картины живой природы). Показывают паломников, склоняющихся перед Каабой. Звучит азан четко в соответствии с астрономическим временем, время молитвы выверяется по секундам и привязано к восходу и заходу солнца, а также к середине дня. Разумеется, мусульманам полагается читать намаз по пять раз на день, но, совмещая молитвы, можно уложиться и в три раза.

Не следует, однако, считать, что в урочный час все падают на колени прямо посреди улицы и начинают отсчитывать положенное число поклонов. Наше телевидение по неясным причинам предпочитает показывать жителей иранских городов исключительно во время коллективных молитв. В итоге создается впечатление: в Иране ничем, кроме истовых богослужений и призывов стереть с лица земли Америку и Израиль, не занимаются.

Это не так. Да, общество здесь куда более религиозно, чем наше. Даже если иранец в частной беседе уверяет, что с вопросом существования Бога не определился, не верьте ему. Все его ценности и поступки все равно неизменно проникнуты верой в высшее существо и в судьбу: «Чему быть, того не миновать» и «Все, что ни делается, к лучшему». По этой же причине не стоит с ходу заявлять своим иранским знакомым, что вы, к примеру, придерживаетесь атеистических взглядов. «Христианин» – куда более понятное определение. С точки зрения многих жителей Ирана, человека без религии быть не может – как не может быть человека без родины.

Однако иранцы не стремятся открыто демонстрировать свою религиозность, особенно перед иностранцами. Молитва – вещь глубоко интимная. Здесь не очень любят тех, кто расстилает молитвенный коврик в углу ресторана, чтобы произвести впечатление на начальника, пригласившего на обед.

Хотите взглянуть на мир по-новому? Зайдите в часы молитвы в один из тегеранских парков. Мне как-то встретился пятнадцатилетний мальчик, читавший намаз. В его глазах отражалось небо, а улыбка была такой одухотворенной, словно перед ним распахнулись врата рая. Он говорил с Богом напрямую – и не позавидовать ему было нельзя. Вы скажете, что именно такие подростки становятся жестокими фанатиками, которые в любой момент готовы надеть на себя пояс шахида. И будете правы. Но они же способны стать и великими людьми, плодами трудов которых смогут пользоваться целые поколения. Все зависит от окружения: чем меньше жестокости, тем больше шансов, что юноша принесет в мир жизнь, а не смерть. Американскому президенту стоило бы понять: войны лишь усугубляют проблемы, раздувают огонь фанатизма и уж точно не способствуют решению «исламского вопроса».

Около полудня, когда по всем телеканалам звучит азан, Фатима уединяется в своей комнате. Набросив чадру, она берет в руки четки и тихо произносит слова молитвы. Молиться «как полагается» мешают больные ноги – но в исламе важно не коленопреклонение, а способность обращаться к Богу от чистого сердца и с добрыми намерениями.

– О чем вы молитесь, мама? – спрашиваю вполголоса.

– Как о чем? Обо всех: о тебе, о Бехрузе, о Бехназ и ее муже, о Бехзаде, о Хоссейне... Прошу у Аллаха, чтобы у вас все было хорошо. Ведь если вы счастливы – счастлива и я.

Намаз – лишь один из пяти столпов веры, коим должен следовать мусульманин. Обязательным в Иране считается подавать деньги бедным («*закят*» примерного мусульманина составляет примерно пятую часть его доходов), в особенности – в дни религиозных праздников. Богатые люди отстегивают немалые средства в пользу многочисленных благотворительных организаций. Да и нищих в Тегеране увидишь не реже, чем в Москве – уж больно прибыльный это бизнес. Особенно во время скорби по очередному имаму.

Обязательным является и тридцатидневный пост в месяц Рамазан (Рамадан), когда от рассвета до заката запрещается прикасаться к пище и воде, нельзя курить. Поскольку арабский лунный календарь, на котором основано расписание всех мусульманских церемоний, на одиннадцать дней короче солнечного (персидского и привычного нам грегорианского), время поста каждый год немного смещается (так, в 2020 году пост пришелся на апрель – май). Все предприятия общепита в Рамазан работают исключительно в темное время суток. Особо горячая пора наступает после «*ифтара*» (появления первой звезды, когда официально разрешается есть). Вот тогда-то изголодавшиеся иранцы штурмом берут рестораны. Многие предпочитают проводить вечера в кругу семьи и друзей. Рамазан – особое время, и воздержанием от пищи тут не ограничиваются. Большим грехом считается даже дурная мысль и дурное намерение. Следует подавать милостыню в тройном размере, почаще читать Коран и быть добрее к окружающим.

Турист, оказавшийся в Иране в Рамазан, поневоле тоже вынужден поститься. Даже если вы заранее соорудите себе пару бутербродов, жевать их придется в укромном уголке. Нельзя сказать, что все иранцы считают пост своей священной обязанностью. Дома многие готовы уплетать за обе щеки что угодно и в любое время, однако в общественных местах никогда нельзя сказать точно, кто постится, а кто нет. Даже жевать жвачку в такое время при всех как минимум невежливо. Но турист-мусульманин формально имеет право не держать пост: как известно, от него освобождаются путешественники, старики, больные и т. п.

Мавзолей Имама Резы (Остане-Кудсе-Разави или «харам»)
г. Мешхед

Важное событие для иранцев – хадж в Мекку. Нынче паломникам не приходится преодолевать пешком сотни километров: для них в Тегеранском аэропорту открыт особый терминал (иначе не справиться с потоком желающих в дни хаджа). В честь вернувшегося паломника устраивается настоящее празднество, им гордится вся семья. Развита и традиция так называемых малых хаджей (*зийярат*) – к могилам почитаемых шиитами имамов – имама Хусейна

в Кербеле (поток паломников не прерывался даже во время войны в Ираке, хотя правительство делало все возможное, чтобы отговорить своих граждан от этой затеи) и имама Резы в Мешхеде.

Отличительной чертой Ирана в мусульманском мире является преобладание там шиитов (подавляющее большинство населения других мусульманских стран – сунниты). Шиизм предполагает, что ислам должен адаптироваться под окружающую действительность и какие-то моменты веры можно менять в соответствии с обстановкой. Сунниты же выступают за строжайшее соблюдение всех принятых канонов. Одним из основных различий двух исламских течений является принятое у шиитов поклонение двенадцати имамам (сунниты поклоняются лишь самому Мухаммеду, хотя и признают важность имамов), рождение или смерть которых в Иране отмечают по всей стране.

Кстати, не стоит думать, что последователям других религий в Иране грозит смертная казнь. По официальным данным, ислам исповедует более 98 % населения (из них суннизм – только около 10 %). Плюс к этому в Иране проживает примерно 400 000 христиан, 20 000 иудеев, около 25 000 зороастрийцев – все это не считая приверженцев различных сект и малочисленных религиозных течений, а также людей, никакую религию не практикующих. В Тегеране, кроме множества мечетей, вы увидите и зороастрийский храм, и несколько синагог, и армяно-грегорианскую церковь, и, самое интересное, церковь православную. Известно, что даже во времена Исламской революции иудеев централизованно снабжали в городах кошерными продуктами. Хотите – верьте, хотите – нет.

Однако Исламская Республика остается верной себе. В конце концов, подобное религиозное государство, основывающееся «строго на исламских принципах», – единственное в мире. Тем, кто живет в Иране или лишь ненадолго приехал, необходимо следовать правилам игры. Как уже было сказано выше, туристки обязаны соблюдать хиджаб. Дамам, желающим посетить действующую мечеть, придется облачаться в чадру (желательно темного цвета). Впрочем, в наиболее популярных туристических местах купить чадру, запечатанную в пакетик, можно прямо на месте.

Постарайтесь избегать особенно чувствительных тем для разговора, даже если вас будут провоцировать. Помните: религия здесь очень важна для многих. В полицию вас, конечно, не сдадут, но и обижать радушных хозяев легкомысленными высказываниями не стоит.

О половой сегрегации уже говорилось. Ее поддерживают не только религиозные предписания, но и иранский менталитет. Отсюда совет дамам: впервые войдя в иранский дом, присмотритесь, снимут ли с себя платки и манто другие женщины, и лишь затем раздевайтесь сами. Даже в крупных городах, где за закрытыми дверями можно увидеть самые что ни на есть европейские платья, во многих семьях в присутствии посторонних мужчин леди быстренько накидывают на голову платки (а то и заворачиваются в чадру).

Отношение к женскому телу в исламском мире особое. В этом смысле поражают местные книжные магазины. В них можно найти все что угодно: от японского аниме до роскошных альбомов с Мадоннами эпохи Возрождения. Однако... малейший намек на обнаженную натуру немедленно маскируется цензорами. Теперь представьте себе полотна знаменитых мастеров, где соответствующие части тела одалисок и амуров заклеены белой бумагой. Но не торопитесь ужасаться: после того как альбом будет куплен и принесен домой, сообразительный покупатель сможет аккуратно отделить наклейки.

Не так было в первые годы после Исламской революции: все, что шло вразрез с законом, немилосердно закрашивалось черным маркером – или же книгу нельзя было везти в Иран и там продать. Позднее большое число иностранных книг в Иране перепечатывалось – и «неприличные» детали на картинках и фотографиях затушевывались в процессе подготовки к печати. Ручкой и маркером сегодня скрывают от посторонних глаз разве что прелести

красоток на одежных ярлыках в соответствующих магазинах или карикатуры на местных политических лидеров в западных новостных журналах.

Определенные трудности ожидают тех, кто оказался в Иране всерьез и надолго. Например, чтобы официально заключить брак, придется в обязательном порядке принять мусульманство. Женщине, выходящей замуж за иранца, полагается также взять и паспорт Исламской Республики. К счастью, гражданство собственной страны она при этом не теряет, но для выезда за пределы страны по иранскому документу понадобится оформить специальное разрешение от мужа.

Нельзя забывать и о том, что иранский менталитет буквально пропитан исламскими принципами. И кое-чему нам стоит позавидовать. Уважение к пожилым людям (и особенно к своим родителям) – краеугольный камень персидского воспитания. Скандалов с отцом и матерью стыдятся, их слово – закон. Даже вполне самостоятельные и состоявшиеся люди стараются с родителями не спорить – их одобрение необходимо и для брака, и для других важных дел.

Старикам традиционно отводят лучшее место за столом, обращаются с ними подчеркнуто вежливо. Нередко даже в ваннных комнатах неприхотливых иранцев установлены специальные кнопки-звонки: если бабушке или дедушке в хаммаме плохо станет, они смогут подать сигнал. Недавнее нововведение: механические «счетчики поклонов» для пожилых (во время молитвы они нередко забывают, сколько раз успели коснуться лбом пола).

Иранские девушки открыто говорят о том, как им надоели платки и манто и как они завидуют европейским сверстницам. Однако... Легкое поведение, принятое в нашем обществе, многих иранок повергло бы в ужас. Они искренне не понимают, как можно позволять мужчинам так много – да еще и до свадьбы. Сдержанность поведения и скромное достоинство – отличительные черты персиянок, и религия играет тут немалую роль.

Многие молодые иранцы именно в религии ищут возможность сохранить самостоятельность своей культуры, считая ее противоядием всеобщей американизации. Их привлекают технические новинки и современные течения, однако они не собираются отказываться от привитых с детства основ.

Существуют, разумеется, и другие мнения: кто-то считает ислам «религией, навязанной арабами», и на полном серьезе предлагает вернуться к зороастрийским истокам. Кого-то просто раздражает сложившееся в мире представление об иранцах как о безграмотных религиозных фанатиках; а кое-кто поговаривает и о том, что давление правительства, постоянно стремящегося подчеркнуть приверженность страны исламу, становится практически нестерпимым. Однако поверьте: иранские аятоллы ничего общего с талибами не имеют, и большинство населения в Иране пользуется немалым числом свобод – зная при этом, какие границы переходить нельзя.

Но все же нельзя отрицать накопившееся недовольство религиозной властью – даже при сохранении приверженности исламу большинством населения. Просто народ считает, что нынешние теологи, превратившиеся в политиков-олигархов, уже давно забыли, что такое истинная вера в Бога, и прикрывают красивыми фразами свое стремление к власти и к наживе. Конечно, есть в Иране и политики, которые искренне верят в «правление теологов» и считают, что обязаны противостоять западному давлению, чтобы защитить свой народ. Но таких меньшинство. А народ устал от десятилетий экономических санкций и религиозных ограничений.

Глава 6 Под управлением аятоллы

Религия без власти погибнет, а власть без религии перестанет действовать. Ас-Самарканди

Тому, кто отправляется в Иран впервые, не мешает хотя бы поверхностное знакомство с политической и экономической системой страны. После Исламской революции 1979 года монархию сменила республиканская форма правления, основанная на принципах шиитского ислама. Аятолла Хомейни, объявленный верховным лидером страны, не принимал прямого участия в управлении государством. Опасаясь возникновения нового шаха, создатели республики постарались четко разделить законодательную, исполнительную и судебную власти.

В последнее время Иран в глазах мирового сообщества все чаще ставят на одну доску с Ираком, намекая на то, что республикой он называется лишь номинально, а на деле страной так же управляет диктатор. Такое представление в корне неверно. Как бы ни отличалась иранская теократическая система от западных демократий, президент и парламент страны избираются всеобщим голосованием, результат которого нередко оказывается совершенно непредсказуемым.

Духовенство до сих пор является доминирующей политической силой. Но в 1990-х годах оно разделилось на два лагеря: либералы предлагали ослабить давление исламских законов на общество, консерваторы стояли за сохранение прежних принципов.

В 1997 году иранских консерваторов ждал жестокий удар: новатор Мохаммад Хатами, пообещавший реорганизовать общественную систему (и на самом деле позднее немало сделавший в этом направлении), одержал безоговорочную победу.

Произошло это за счет высокой активности на выборах женщин и молодежи, с нетерпением ожидавших перемен. Увы, к 2005 году стало ясно: со старыми правилами и консерваторами, сохранившими в правительстве немало постов (законодательная и судебная власти практически полностью оставались в их руках), реформы провести не удастся. Народ решил, что Хатами за два своих президентских срока обещания так и не сдержал. И на очередных выборах преподнес новый сюрприз: шокировавшее Запад избрание махрового консерватора Махмуда Ахмадинежада. Демократия есть демократия...

Махмуд Ахмадинежад оставался у власти вплоть до 2013 года. При этом уже к 2009 году, перед его переизбранием, большая часть населения в нем разочаровалась.

Ахмадинежад пообещал социальные гарантии и поддержку беднейшим слоям населения – а в Иране за чертой бедности живут миллионы людей. При этом большая часть интеллигенции и молодежи просто не пришла на избирательные участки в знак протеста против резкого увеличения числа консерваторов в парламенте.

Махмуд Ахмадинежад оставался у власти вплоть до 2013 года. При этом уже к 2009 году, перед его переизбранием, большая часть населения в нем разочаровалась. Этому способствовало обострение конфликта с Западом, на которое президент шел осознанно. Иран десятки лет жил под санкциями, но никогда они еще не были столь жесткими. Обещания «дать каждому его долю в нефтяных доходах» президент также не сдержал. Все закончилось отменой огромного числа государственных дотаций (на услуги ЖКХ, важные продукты питания и т. п.), что обещали компенсировать живыми деньгами каждому гражданину страны. Льготы отменили (справедливости ради – экономика бы их больше не выдержала), денежная помощь съезживалась и уже через пару лет многим поступать вообще прекратила.

В 2009 году по Ирану прокатилась волна протестов. Часть населения была уверена, что результаты выборов сфабрикованы и на деле победил не Махмуд Ахмадинежад, а его соперник – более либеральный Мир-Хосейн Мусави. Пересчет голосов делать не стали, волнения подавили, причем дошло до человеческих жертв.

Но власть урок запомнила. И в 2013 году верховный лидер Ирана Али Хаменеи не стал препятствовать избранию очередного либерала – Хасана Рухани, обещавшего самое желанное: снятие санкций. Ему и правда почти удалось наладить отношения с Западом, добиться в 2015 году подписания знаменитого Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД, или «ядерной сделки») с США и Европой. Иран перестал обогащать уран, а Запад начал постепенно снимать санкции и развивать иранский рынок.

Но потом власть сменилась уже в Америке. Дональд Трамп разорвал соглашение, Европа молча наблюдала в стороне. Санкции вернулись – и последние надежды были похоронены: как ни пытайся угодить Западу, провал неизбежен.

Разберем состав правительственных органов Ирана чуть подробнее. Власть религиозная и власть светская в стране совмещены и находятся в строгом соподчинении. Все ветви власти в той или иной мере соотносятся с основой республики – исламом. Неудивительно, что богословие остается одним из наиболее престижных занятий: религиозные университеты, по сути дела, готовят политических деятелей.

Согласно Конституции Исламской Республики (одобренной на общенациональном референдуме), верховным главой государства, чьи полномочия превосходят власть парламента или президента, является верховный духовный лидер, избираемый пожизненно особой ассамблеей экспертов, состоящей из 83 крупных представителей духовенства (они избираются раз в восемь лет).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.